

О.А. Харитонов
O.A. Kharitonov

ДИАЛОГИЧНОСТЬ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В РАМКАХ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ КОМПОЗИЦИИ ПОВЕСТВОВАНИЯ

DIALOGICITY AND INTERTEXTUALITY WITHIN THE FRAMEWORK OF A NON-CLASSICAL NARRATIVE COMPOSITION

Неклассическая композиция повествования рассматривается как особый способ организации художественного материала; как репрезентативная форма трансформации традиционных отношений «автор – герой – читатель». К атрибутивным признакам неклассической композиции повествования относятся диалогичность и интертекстуальность. В статье рассмотрены истоки становления и функциональные возможности категорий диалогичности/интертекстуальности в литературоведении в рамках неклассической композиции повествования. Диалогичность и интертекстуальность – это свойства текста, которые проявляются в наличии в нем различных точек зрения и голосов. В неклассической композиции повествования диалогичность/интертекстуальность могут быть использованы для создания более сложного и многогранного образа реальности, более сложного и многоуровневого текста, который требует от читателя активного участия в процессе чтения. Противостояние различных точек зрения может привести к более динамичному и увлекательному повествованию. Неклассическая композиция может включать в себя отсылки к другим произведениям, аллюзии, пародии и другие формы интертекстуальности. В целом, диалогичность и интертекстуальность в рамках неклассической композиции повествования позволяют автору показать различные точки зрения, а также выразить свое отношение к изображаемому, свою авторскую стратегию.

Ключевые слова: диалогичность, интертекстуальность, неклассическая композиция повествования.

Non-classical narrative composition is considered as a special way of organizing artistic material; as a representative form of transformation of traditional relations «author - hero - reader». Attributive features of non-classical narrative composition include dialogicity and intertextuality. The article examines the origins of formation and functional possibilities of the categories of dialogicity/intertextuality in literary criticism within the framework of non-classical narrative composition. Dialogicity and intertextuality are properties of the text that are manifested in the presence of different points of view and voices in it. In non-classical narrative composition, dialogicity/intertextuality can be used to create a more complex and multifaceted image of reality, a more complex and multi-level text that requires the reader to actively participate in the reading process. The confrontation of different points of view can lead to a more dynamic and exciting narrative. Non-classical composition can include references to other works, allusions, parodies and other forms of

intertextuality. In general, dialogicity and intertextuality within the framework of a non-classical narrative composition allow the author to show different points of view, as well as express his attitude to what is depicted, his authorial strategy.

Key words: *dialogicity, intertextuality, non-classical narrative composition.*

DOI: 10.24888/2079-2638-2025-65-2-55-61

Категории диалогичности и интертекстуальности – ведущие в литературоведении и имеют основополагающее значение для филологической науки, хотя, вместе с тем, принадлежат и теории общения, и культурологии, и в значительной мере и философии.

В первую очередь категория диалогичности связана с работами М.М. Бахтина [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10], который говорит о диалогичности одновременно в философском и литературоведческом аспектах.

Разрабатывая понятие «диалогичность» М.М. Бахтин, выходя из сугубо лингвистической и литературоведческой областей в сферу эстетики, культурологии и философии, предлагает еще более широкую трактовку категории диалогичности и существенно расширяет значение термина «диалог»: «диалогические отношения гораздо шире диалогической речи в узком смысле» [12, 57].

Диалогичность, по мысли М.М. Бахтина, характерная и неотъемлемая черта художественной организации произведения как такового, атрибутивная составляющая и архитектоники, и композиции произведения [9, 51]: «замысел требует сплошной диалогизации всех элементов построения» [9, 76] художественной формы, как внешних, так и внутренних.

Сторонники научных взглядов М.М. Бахтина продолжали разработку понятия «диалогичность», однако каждый в своем направлении. Например, В.Е. Хализев называет диалогичность особенностью художественного мышления и осмысливает данное понятие с точки зрения межсубъектного диалога, подразумевая под диалогичностью некую энергию для диалога [14, 25–26]. В свою очередь В.И. Тюпа также рассматривает диалогичность как характеристику художественного произведения: это «диалогическая соотнесенность нескольких голосов в рамках одного текста» [26, 38]. Исследователь полагает, что «всякая рефлексия неустранимо обладает диалогической соотнесенностью с иным сознанием, находящимся вне моего сознания» [26, 44]. Опираясь на точку зрения М.М. Бахтина, В.И. Тюпа говорит о диалогической природе художественного произведения, также приходя к выводу, что все уровни субъектно-объектной организации текста находятся во взаимозависимости [26, 32].

М.М. Бахтин, развивая далее идею диалогичности, говорит о диалогичности произведения в аспекте его бытования, актуализируя мысль, которую можно передать следующими словами В.В. Прокурова: «любой текст жаждет диалога, диалогического общения, читательского внимания и соучастия» [23, 28]. Обращаясь к творчеству Ф.М. Достоевского, исследователь, отмечая, что классик «обладал гениальным даром слышать диалог своей эпохи или, точнее, слышать свою эпоху как великий диалог, улавливать в ней не только отдельные голоса, но прежде всего именно диалогические отношения между голосами, их диалогическое взаимодействие» [9, 102], вместе с тем актуализирует понятие контекста. «Текст вообще не существует сам по себе, он неизбежно включается в какой-либо (исторически реальный или условный) контекст» [21, 204], – справедливо отмечает Ю.М. Лотман. Аналогичной точки зрения на проблему придерживался и М.М. Бахтин: «всякое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами и переосмысление в новом контексте» [5, 207]. Каждое высказывание может существовать только в окружении предшествующего и последующего: «Нет ни первого, ни последнего слова и нет границ диалогическому контексту» [10, 393], «каждое высказывание – это звено в очень сложно организованной цепи других высказываний» [10, 261].

Таким образом, развивается и утверждается мысль, что диалогические отношения функционируют не только в сфере человеческих отношений, но и в сфере общения культур

и эпох, а текст художественного произведения существует только в ситуации диалога, точнее, глобального полилога культуры. В этом смысле «собеседник» понимается в предельно широком плане как человечество во все времена и в неограниченном пространстве: «всякое понимание живой речи, живого высказывания носит активно-ответный характер всякое понимание чревато ответом и в той или иной форме обязательно его порождает: слушающий становится говорящим ("обмен мыслями")» [8, 169].

«В слове говорящего всегда есть момент обращения к слушателю, установка на его ответ» [8, 209]. Любая идея генерируется и развивается только в диалоге. В этой связи традиционное противопоставление диалогической и монологической речи переосмысливается, ведь любые формы речи предполагают адресата – реального или вероятного [20, 7], поскольку даже невысказанное размышление также обращено к другому сознанию: самая потаенная рефлексия существует лишь при наличии другого сознания [14, 25–26]. Само существование понимается как непрекращающаяся, обязательная взаимообращенность сознаний. Исходя из этой точки зрения, недиалогической речи нет, а любой текст всегда «двупланов» и «двусубъектен», в силу природы текста, коммуникативной сущности языка как общественного явления и природы слова.

Анализ художественного текста в диалогическом ключе, с одной стороны, представляет определенные трудности в силу того, что однозначного определения категории диалогичности в науке нет, а те, что наличествуют, предлагают исследователю колоссальный разброс в понимании термина – от предельно конкретного до неограниченного. С другой стороны, обращаясь к субъектной организации повествования, к специфике художественного слова, мышления автора, отношению «текст – читатель», «автор – читатель», «автор – герой», отношению текста к внетекстовой реальности и другим аспектам диалогической организации художественного произведения, диалогический подход позволяет изучать художественное произведение как уникальный элемент в сложной, разноразмерной структуре коммуникаций, как способ и результат продолжающихся во времени самоактуализации и взаимоактуализации автора и читателя в рамках неклассической композиции повествования [14, 25–26].

Теория интертекстуальности, а вслед за ней проблемы интертекста, метатекста, тесно связаны с концепцией диалогических отношений М.М. Бахтина и, являясь особо значимыми в гуманитарных науках, по-прежнему представляют живой интерес для исследователей.

Праоснову интертекстуальному подходу к изучению текста (задолго до введения в практику научной речи самого термина «интертекстуальность») в отечественной филологической науке заложил А.Н. Веселовский, выявив впервые некую корреляцию между смысловой структурой художественного текста, механизмами памяти человека и культурной традицией [13, 51–52].

Теория анаграмматического текста, ставшая другим источником интертекстуальности в филологии, принадлежит Ф. де Соссюру и заключается в предположении ученого об особых смыслопорождающих возможностях языка, которая заключается в способности языка разделяться на первичные единицы, из которых можно составить новые слова с новым смыслом. Обозначенное в своих научных трудах Ф. де Соссюром явление стало основой для представлений о том, как элементы одного текста, включенные в другой, могут изменять значение последнего. Такое языковое «конструирование» соотносится с теорией интертекста как способа создания текста из уже имеющихся «чужих цитат» [11, 189].

Сам термин «интертекстуальность» впервые был применен Юлией Кристевой в ее докладе о творчестве М.М. Бахтина на семинаре ее учителя Ролана Барта в 1966 году. Следует отметить, что Ю. Кристева была не только тем человеком, кто на материале рифмованных поэтических текстов подтвердил наблюдение Ф. де Соссюра над намеренным или бессознательным использованием анаграмм, о котором мы говорили выше, но и тем, кто

познакомил западное научное сообщество с личностью и научными воззрениями М.М. Бахтина.

Ю. Кристива была прекрасно знакома с работами М.М. Бахтина, в частности, с концепцией о диалоге культур, которая легла в основу понятия «интертекстуальность». М.М. Бахтин полагал, что диалогический характер слова не ограничен настоящим временем. В этом контексте уместно вспомнить слова И.П. Ильина, который утверждал, что «помимо данной художнику действительности, он имеет дело также с предшествующей и современной ему литературой, с которой он находится в постоянном "диалоге", понимаемом как борьба писателя с существующими литературными формами» [17, 164]. Такое понимание слова и текста впоследствии будет применяться в практике интертекстуального анализа.

Еще одно положение полифонической концепции М.М. Бахтина, легшее в основу теории интертекста, стало понятие «чужого слова» как основного побудительного мотива речевого высказывания [10, 399]. Сегодня важность проблемы цитирования в художественном тексте представляется очевидной, но цитацию как теоретическую проблему в свое время поставили М.М. Бахтин и Ю.М. Лотман. Ученые выдвинули предположение о том, что художественный текст обязательно соотносится, говоря словами Ю.Н. Тынянова, с «внетекстовыми рядами», без соотнесения текста с которыми невозможно его глубокое понимание. Одним из способов такого соотнесения является цитата как «всякое реминисцентное содержание, извлекаемое нами из произведения», переключка любого вида, соединяющая между собой литературные памятники [25, 74]. В этом контексте цитата приобретает особую значимость, поскольку является своего рода кодом в данной художественной системе, который реципиент должен суметь считать для адекватного понимания художественного текста. Ожидаемо, что актуализируется понятие внетекстовой реальности, под которой можно понимать и окружающую действительность, и литературный контекст, и литературные нормы, традиции, представления. В связи с этим, внимание исследователей приковывается и к претексту, источнику цитаты, через которую авторский текст вступает с ним в диалог. Важной представляется мысль Ю.М. Лотмана, что «внетекстовая часть художественной структуры составляет вполне реальный (иногда очень значительный) компонент художественного целого» [21, 82], «в момент художественного акта внетекстовая ситуация выступает, подобно языку, в качестве материала. В дальнейшем она входит в состав произведения и, в этом смысле, равноправна с текстом» [21, 213]. Заложённая в цитате способность нести «реминисцентное содержание» определяется ее статусом «чужого» слова, фрагмента инотекста в слове «своем», авторском. Но, исследователи отмечают, что «выполнять свою функцию модификатора принимающего текста цитата – "чужое" слово – сможет лишь в том случае, если вступит в диалогические отношения со "своим", авторским, и новые смыслы будут возникать как результат этого взаимодействия. Так цитация оказывается частным проявлением того открытого Бахтиным феномена, который был определен как "чужое" слово, и одним из способов осуществления разнонаправленного диалога, являющегося условием бытия текста в культурном пространстве» [18, 6].

Дальнейшее развитие идеи диалога получают в работах Ю. Кристевой [19], которая переосмыслила научные идеи М.М. Бахтина и, в первую очередь, его концепцию культурного диалога, однако стала говорить о диалогизме преимущественно в контексте диалога между текстами, и Р. Барта, который совместно с другими французскими структуралистами в 60–70-е годы XX века разрабатывает новую методологию гуманитарных наук. «<...> Любой текст, – пишет Ю. Кристева, – строится как мозаика цитации, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста» [27, 429].

Постструктуралисты и деконструктивисты совершают своего рода революцию в литературоведении как науке. К середине 50-х годов Р. Барт выдвигает идею, что буквально все явления культуры могут быть прочитаны в семиологическом ключе, то есть как система

знаков. Ученый разрабатывает основные положения коннотативной семиотики и использует их для анализа литературной «формы», которая «помимо собственного авторского содержания» пропитана «культурными ценностями и интенциями» [24, 10]. В 60-е года Р. Барт дестроит принципы лежащие в основе традиционного подхода к изучению истории литературы. Итоговым и самым шокирующим положением Р. Барта называют положение о «смерти автора». «Смерть автора» восходит к формуле «смерть субъекта» Мишеля Фуко, заключающейся в представлении о невозможности создать абсолютно новый текст, в связи с тем, что каждый «новый» текст «растворяется» в явных или неосознанных цитатах из предшествующих текстов [11, 191].

С точки зрения деконструктивизма понятие «новый текст» в принципе невозможно, так как всякое «новое» возникает в результате повторения уже сказанного и различной комбинации цитат [11, 191].

Основываясь на воззрениях М. Фуко о возможности в принципе определить строгие границы текста, Р. Барт ставит под сомнение базовые для традиционного литературоведения понятия «автор», «произведение» и даже «читатель», а вслед за ними и объективность существования самого «произведения». Переход к итоговой «деконструкции понятий» в теории М. Фуко логически закономерен: «Так ли уж нам необходимы такие понятия, как "книга", "произведение" или даже такие общности, как "наука" или "литература"? Надо ли оставаться в плену иллюзий, неплодотворных и бесосновных?» [28, 25].

Научная теория Р. Барта подвергалась критике и не получила всеобщего признания среди филологов, которые именовали ее слишком «радикальной» [29, 30]. Например, Б.М. Гаспаров, размышляя над развитием диалогизма в западной науке, указывает на то, что вначале «исследователям удавалось обнаружить в анализируемом тексте лишь ограниченное и легко обозримое число подтекстов; в силу этого сохранялась возможность интерпретировать подтексты в качестве одного из структурных смыслообразующих механизмов, встроенных в текст. Однако развитие метода привело к неограниченному разрастанию внетекстового материала, так или иначе, прямо или косвенно отпечатавшегося в анализируемом тексте; границы текста и его смысла все более размывались, растворяясь во все более множественных, уходящих в бесконечность межтекстовых ассоциативных связях» [15, 280]. Соотечественница Р. Барта Натали Пьеге-Гро, пишет, что если начать видеть интертекст абсолютно везде, то «мы сильно рискуем лишиться интертекстуальности всякой специфики, а само понятие – эффективности» [24, 44]. Другие исследователи, в частности, М.В. Никитин указывал на то, работах постструктуралистов бахтинский «принцип диалогизма претерпел неявную метаморфозу» и фактически был упрощен и «сведен к его внешней, поверхностной стороне» [22, 117].

Однако в настоящее время определение интертекстуальности, предложенное Р. Бартом в работе «Смерть автора», приобрело хрестоматийную известность, стало каноническим в теории постструктурализма: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» [2, 391].

В отечественной гуманитарной науке дальнейшую теоретическую разработку концепции диалогизма текста М.М. Бахтина продолжила Тартусская семиотическая школа. Вразрез с положениями деконструктивистов, отрицающих авторский характер каждого художественного текста, Ю.М. Лотман транслирует идею о совершенно особом статусе художественного текста, подчеркивает его уникальную специфику и настаивает на

специальном к нему подходе. Так, по Ю.М. Лотману, литературный текст можно выделить в особую категорию – категорию интеллектуального текста, поскольку работа над любым художественным произведением – это «качественно новый этап в усложнении структуры текста», текст перестает быть элементарным сообщением – «он приобретает память» [11, 192]. Определение Ю.М. Лотмана «текст в тексте» передает суть явления интертекстуальности как «переклички текстов» в художественном произведении. А эффект диалога текстов, по мнению семиотиков, как раз заложен в самой двойственной природе художественного произведения.

Значительный вклад в теорию интертекстуальности вносит известный отечественный ученый Б.М. Гаспаров, с точки зрения которого, языковая деятельность – это бесконечный поток «цитации», «черпаемой из конгломерата нашей языковой памяти» [16, 320].

Проблема интертекстуальности в художественной литературе была также развернуто освещена И.В. Арнольд в статье «Интертекстуальность – поэтика чужого слова», где феномен как «включение в текст целых других текстов с иным субъектом речи либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий» [1, 151].

В настоящее время теория интертекстуальности имеет равные права со всеми другими формами аналитического изучения художественного текста и «охватывает самые различные аспекты межтекстовых связей» [3, 4]. Сегодня исследователи языка и литературы ставят вопрос о перерождении интертекстуального подхода и возникновении новой стратегии и тактики филологического анализа на базе колоссального накопленного знания в этой области.

1. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб., 1999.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М., 1989.
3. Байко В.А. Интертекстуальность в пейзажных описаниях современного британского детектива : дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2019.
4. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975.
5. Бахтин М.М. К методологии литературоведения // Контекст – 1974. Литературно-теоретические исследования. – М., 1975. С. 203–212.
6. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Проблемы поэтики Достоевского. Киев, 1994.
7. Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М., 2003.
8. Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М., 1997.
9. Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6. «Проблемы поэтики Достоевского» 1963. Работы 1960-х–1970-х гг.. М., 2002.
10. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров ; примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. М., 1986.
11. Васильчикова Т.Н. Теория интертекста в филологии: основные этапы исторического формирования // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2016. Т. 18. № 1–2. С. 189–196.
12. Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины / под ред. Л.В. Чернец. М., 1999.
13. Веселовский А.Н. Из введения в историческую поэтику // Историческая поэтика. М., 1989. С. 42–59.
14. Гаврилова Л.А. Диалогичность как принцип организации «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского : дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2016.

15. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М., 1993.
16. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ: лингвистика языкового существования. М., 1996.
17. Ильин И.П. Интертекстуальность // Западное литературоведение XX века: энциклопедия / под ред. Е.А. Цургановой. М., 2004. С. 164–166.
18. Козицкая Е.А. Цитата в структуре поэтического текста : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998.
19. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. с фр. М., 2004.
20. Лагутин В.И. Проблемы анализа художественного диалога: (к прагмалингвистической теории драмы). Кишинев, 1991.
21. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 17–246.
22. Никитин М.В. Диалогизм vs. интертекстуальность: выбор плацдарма / *Studia Linguistica*. 2005. Вып. XV. С. 115–123.
23. Прозоров В.В. Введение в литературоведение: учебное пособие. М., 2012.
24. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / пер. с фр. Г.К. Косикова. М., 2008. С. 8–42.
25. Смирнов И.П. Цитирование как историко-литературная проблема: принципы усвоения древнерусского текста поэтическими школами конца XIX – начала XX вв. (на материале «Слова о полку Игореве») // Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики: Блоковский сборник / отв. ред. З.Г. Минц. Тарту 1981. Вып. IV. С. 246–276.
26. Тюпа В.И. Литература как род деятельности: теория художественного дискурса // Теория литературы: учебное пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. Н.Д. Тамарченко. М., 2004. Т. 1. Ч. 1. С. 15–104.
27. Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М., 2000.
28. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. С. Митина, Д. Стасова. Киев, 1996.
29. Чернявская В.Е. Интертекстуальность и интердискурсивность // Текст – Дискурс – Стиль. Коммуникации в экономике. СПб., 2003. С. 23–42.